

Вячеслав Лентяев

Делирика

Говорят, что у каждого уважающего себя алкоголика всегда есть в заначке бутылка, которая спасет его от похмелья. Не верьте. Это старый и давно опровергнутый миф. Точнее, два мифа. Во-первых, такой бутылки никогда нет - она уже давно была выпита. Во-вторых - в мире нет ни одного уважающего себя алкоголика.

Большую часть времени, проведенного в запоях, конечно же я совсем не помню. Не помню, что делал каждый день, кроме того, что пил. Не помню, как оказывался в другом конце города. Если везло – одетый. Бывало, просыпался и голый в соседнем районе – пару раз буквально, но стыдно до сих пор. Опустился до того, что находил какие-то брюки на помойке и возвращался в них.

А в конце каждого запоя – невообразимое чувство стыда и ненависти к себе за очередной срыв. Клятвенные обещания самому себе, родным, близким и друзьям, что уж точно завяжу, что этот раз последний. Железобетонно. Надо ли говорить, сколько раз такое было?

Третий с начала года запой прошел слишком тяжело. По утрам болело все тело сразу, что было совершенно непривычно, тем более что обычно я укладывался в две недели, но сейчас прошел уже почти месяц, а я продолжал пить. Конечно, пару дней я догонялся пивом вместо водки, но в итоге вернулся обратно на привычные сорокаградусные обороты.

Даже и не вспомню, какой день это был. Помню только, что июнь, может быть, ближе к середине месяца.

Сначала я не понял, где я нахожусь. Когда догадался, что дома, я сильно удивился. Лежу даже на кровати, на подушке и под одеялом, а не на полу враскорячку, как это обычно бывало. Мне казалось, что я пил у моего соседа или где-то еще, но точно не дома. Может, это была разливайка через дорогу или просто на лавочке у подъезда. Мысли начинали

собираться в кучу, но собраться окончательно, чтобы вспомнить вчерашний день, им мешала абсолютно чугунная голова. Малейшее движение глазами отзывалось жутким металлическим звоном. Когда я попытался хотя бы немного приподнять голову, ее вдавило обратно каким-то неодолимым притяжением. Все тело так же ломило, только еще сильнее, чем обычно.

Первый раз в жизни словил с похмелья настолько сильные вертолеты. Все вокруг меня крутилось будто бы я катался на карусели, хотя я даже руками не шевелил. Что я такого пил вчера – даже страшно представить. А сущняк... Это было что-то совсем за гранью. Во рту не было даже слюны и мой организм при попытке хоть немного смочить горло категорически отказывался ее синтезировать. Такое ощущение, что движения языка резали мне глотку.

Первой моей связной мыслью стало «ну и зачем?». Я надеялся, что где-то около кровати валяется бутылка с водой. Естественно, я не оставил ее там даже случайно. нужно было обязательно встать. Когда вставал, почему-то особенно сильно болел правый бок. Когда дошел до ванны, то понял, почему.

Думаю, нет особого смысла рассказывать о том, как выглядит человек во время запоя. Мои естественные для такого времени неухоженность, помятость, синяки под глазами никого не интересуют. Важно другое.

Перебинтованная голова. Меня ударили или же я сам упал – неизвестно. Начал разматывать бинт, но спекшаяся кровь дернула волосы, и я решил замотать обратно. А еще заметный порез на боку, который адски болел, заинтересовал меня намного сильнее. Судя по всему, меня пытались как минимум ранить. Кто, как, при каких обстоятельствах – это остается загадкой. Голова так и не вспомнила, что со мной произошло.

именно тогда я решил завязать. на последней пьянке меня чуть не убили. Даже если этого не произойдет в следующий раз, вторым вариантом было умереть от более естественных для алкоголика причин. Допиться до панкреонекроза совершенно не входило

в мои планы. когда я попал с острым панкреатитом в больницу, врач так и сказал – еще один запой и мы расковыряем тебе весь живот. Второй запой – ковырять тебе живот будет уже патологоанатом.

В прошлый раз, когда я пытался завязать, меня хватило всего на неделю. Дошло до смешного – перепутал банку с компотом и такую же банку с вишневой настойкой, которую когда-то привез тестя от первого брака. Я уж даже про нее и забыл. А они в шкафу стояли, как оказалось, рядом друг с другом. Буквально один глоток и я вновь выпал из реальности на две недели.

Но теперь я планировал продержаться и все-таки бросить. Раньше я совершенно не запаривался по поводу правильного выхода из запоя, мол, а что такого просто взять и не пить? Как оказалось, это фатальная ошибка.

Я кое-как оделся, умылся. В холодильнике нашел бутылку воды. Открыл и жадно к ней присосался. По ощущениям – близко к перерождению. Голова уже не была такой чугунной, мысли наконец-то собрались в кучу. Правда, выпил я только половину. Руки тряслись так сильно, что я выронил бутылку. Вода разлилась у меня под ногами, окатив ступни прохладой.

План был простой до безобразия. Первое – не выходить из дома, чтобы не видеть тех, с кем я снова начну пить. Второе – не идти выпивать, если мне будут звонить и предлагать выпить. Третье – и самое главное – не пить ничего крепче чая.

Посмотрел запасы провианта. все было не так уж и плохо. В холодильнике какая-то колбаса, заветренный сыр, кастрюля вареной картошки. В хлебнице валялось несколько пачек макарон, а в морозилке было целое сокровище – упаковка котлет и целых две пачки пельменей. Нужно было только сходить за парой пятилитровых бутылок воды и чаем. Но это уже завтра или даже послезавтра – сегодня исключительно отсыпаться, лежать и ничего не делать.

А пока схожу покурю. От сигарет ни разу не хотелось больше пить.

Я вышел на балкон. Живу я на восьмом этаже, поэтому особо на меня никто не плялся. Меня до сих пор шатало и был риск упасть, было страшно приближаться к перилам слишком близко. Я уселся на табуретку и закурил.

Первые сутки прошли нормально. Я лежал на диване, смотрел передачи про животных. Много спал. За это время мне никто не позвонил – то ли догадывались, в каком я нахожусь состоянии, то ли думали, что у меня все в порядке. Главное, что меня никто не беспокоил все это время.

На второй день начались неприятности. Все стало ясно – у меня *delirium tremens*. Иными словами – ко мне пришла белочка. Ничего хорошего в ближайшее время меня не ждало. Не знаю, почему, но я решил выходить из белой горячки самостоятельно.

Тремор заметно усилился и уже не отпускал. Когда я варил пельмени, то пару раз чуть было не окатил себя кипятком. Руки дрожали так, что вилкой еле-еле попадал по ним.

Следующей неприятностью стали скачки настроения. Мне было трудно усидеть на месте. я ходил по комнате кругами, отжимался, перебирал какие-то вещи. В один момент обнаружил, что говорю сам с собой. Но я знал – все это нужно просто пережить. Нужно ждать и терпеть, когда все пройдет. Другого варианта нет.

На третий день пришло время идти в магазин. Тремор заметно спал, настроение выровнялось. Умылся, побрился, собрался. Надел более-менее приличные вещи.

Отоварился в ближайшем продуктовом – колбаса, хлеб, немного фруктов для разнообразия и пара пачек сигарет. Продавщицы вроде бы даже не косились в мою сторону и в этот раз не стали презрительно фыркать, как это бывало. Ну, все правильно – в кое-то веки от меня не разило перегаром.

Когда я подходил с пакетами к дому, то заметил, что у подъезда стояло четверо. Заметил буквально краем глаза – не было никакого желания рассматривать очередных мутных личностей около дома.

— Э, мужик, слышь!

Разговаривать с ними в мои планы категорически не входило. Я искал в кармане ключи и даже не обернулся.

— Мужик, слыши! — повторил кто-то из них.

Приложил ключ от домофона к считывателю, но он почему-то не сработал.

— Мужик, поговорить надо! Дело есть...

Опять не сработал. Да что ж ты будешь делать.

В этот момент меня схватили за плечо и развернули на сто восемьдесят градусов.

Передо мной стоял какой-то хиленький лысый мужик в спортивном костюме на полголовы выше меня.

— Ты там оглох или че? Слыши, с тобой разговаривают.

— Не слышал. Задумался.

— Дело есть, говорю.

— Какое?

— Убивать тебя будем.

Внутри все похолодело.

— Чего?

— Резать тебя говорю, надо!

Он достал из куртки нож и пырнул меня в живот. Острая боль сосредоточилась где-то в районе пупка.

— Ты не кричи только сильно, а то соседей распугаешь, - обычным голосом сказал он мне, когда аккуратно усаживал меня на асфальт и придерживал за горло, - тихо, тихо. Спокойно. Надо так, понимаешь? Жень, в шею ему воткни.

Ко мне подошел практически идентичный его дружок и с силой ударил меня в шею здоровенным кухонным ножом. Резкая, страшная и невыносимая боль.

Я проснулся в кровати от собственного крика схватившись за шею. Пакеты с продуктами аккуратно стояли рядом с кроватью.

Но все это было лишь прелюдией. Кульминация наступила на четвертый день.

Когда я проснулся, то почувствовал дикий холод. Сначала подумал - почему я замерзаю в середине июня? Трясутся не только руки, но и я весь. Я понял, что у меня озноб, а значит, температура. Скорее всего, не меньше тридцати девяти.

Я побоялся разбить градусник из-за трепета, поэтому решил, что обойдусь привычными средствами. Нашел где-то жаропонижающие, выпил таблетку, положил на лоб полотенце, смоченное холодной водой. Но этого оказалось недостаточно. Решил охладиться быстрее.

Усился в ванну, вставил затычку в слив и включил воду. Прохладная струя потихоньку наполняла ванну, и я откинулся на спину. От температуры сознание забродило. Я умылся, вновь откинулся на спину и повернул голову налево. Там стоял Саша Герасимов. Сразу его узнал. Это мой одноклассник. Пять лет назад я его похоронил. Тридцать семь лет. Инфаркт.

Стоит в светлом бежевом пальто и лыбится на меня. Такой же бледный, как и в день похорон. Только почему-то в пальто. Руки в карманы засунул.

— Родной, так ты же умер...

У меня на глазах простирали слезы. Ком в горле.

А он только смотрит и улыбается злобно-злобно. Я его полностью оглядел, сверху вниз. Смотрю — а из-под пальто копыта торчат. Темные, волосатые. Как у козла.

— Цок, — тихим голосом произнес он.

Я заорал. Схватился за занавеску и начал в нее заворачиваться, чтобы спрятаться от него. А он стоял рядом и смеялся.

— Уходи! Уходи отсюда! Ты умер!

Но Саша стоял и продолжал смеяться. Потом он пару раз ударил копытами о кафель. Думал, я с ума сойду. Открываю глаза — нет никого. Только дверь в ванную открыта.

Если соседи по этажу и слышали мои крики, что маловероятно, в любом случае никуда не звонили. Их не интересовала жизнь местного алкоголика, которому могло пригодиться что угодно. Как выяснилось позже, продержаться нужно было еще сутки.

Превзойти четвертый день, конечно, пятый не смог, но изрядно постарался.

В один момент, когда я снова пошел курить на балкон, то вся стена дома рухнула вниз плашмя. Опять я проснулся от собственных криков. Не смогу даже приблизительно передать, до чего это страшно валиться почти с крыши вместе с остальным домом. Все реалистично до такой степени, что я уже стал путаться, где реальность, а где всего лишь сон.

Спустя семь дней я полностью пришел в себя. Через полгода жизнь более-менее наладилась. Теперь даже к квасу не приближаюсь. Боюсь, если черт вернется, то уже точно заберет с собой.